

С.В. Уткин. Со временем в России возобладает понимание, что постсоветский мир, в котором мы оказались после распада СССР, - не отклонение от нормы, а вполне стабильная среда, в которой можно жить и добиваться результатов, которые для нас важны.

Двадцать пять лет без СССР – тема, конечно, рубежная. И мне сразу хочется вспомнить, что первым стихотворением, которое я выучил в детском саду, было четверостишие : «Из пятнадцати республик состоит страна труда. В ней и горы, и озера, и поля, и города». Горы, озера, поля и города остались. Остались пятнадцать стран, которые существуют сейчас на постсоветском пространстве. Работы тоже, я думаю, не убавилось. И люди труда во всех странах присутствуют, может быть, не всегда очень хорошо себя чувствуют. Но то, что все это является одной страной, – эта реалья от нас ушла.

Мы постоянно наблюдаем эффект того, что произошло 25 лет назад. Мы видим фактически какие-то следы. Это присутствует в любой дискуссии. То есть это чем-то похоже на хвост кометы или, может быть, правильнее сказать – средообразующее событие.

Очень часто, пытаясь характеризовать международную среду, в которой мы действуем, мы, в конечном счете, приходим к формулировкам, которые подразумевают отталкивание от постсоветского подхода. То есть именно распад Советского Союза становится средообразующим событием. И он становится государствообразующим событием для собственно республик, которые входили в Советский Союз и сегодня являются независимыми государствами.

Это моменты, которые, на мой взгляд, очень важны. То есть по большому счету, сложно себе представить патриотически настроенную элиту в одной из этих республик, кроме, может быть, России, в которой есть люди, которые видят себя ядром империи. Сложно представить себе политическую элиту, которая сильно сокрушалась бы по поводу распада Советского Союза. То есть, в конечном счете, для них это стало уникальным шансом создать

свое собственное государство, создать свою мифологию, свое представление о том, что хорошо, что плохо, не всегда сочетающееся с универсальными представлениями. По крайней мере, это так на историческом этапе, в рамках которого мы живем и который, может быть, еще довольно долго продлится.

Я думаю, что то, что мы фактически будем видеть как априорное понимание распада Советского Союза, когда мы общаемся с коллегами и в большинстве постсоветских республик, и с коллегами на Западе, это понимание априорно-позитивное. Да, случилось, может быть, то, что должно было случиться. Случилось то, что сформировало сегодняшнюю среду, которая с точки зрения постсоветских государств, с точки зрения стран Запада в целом дает им больше возможностей, чем у них могло быть в другой ситуации.

У нас довольно часто происходит сравнение постсоветской реальности с той ситуацией, которая была в годы холодной войны. И нередко высказывается соображение, что в годы холодной войны было больше стабильности. Я знаю, что люди, которые это предположение высказывают, достаточно опытные. И это не просто голословное утверждение. Это определенное следствие того опыта, которым те, кто стоит на этой позиции, обладают.

Я все-таки рискну здесь несколько по-другому посмотреть на это сопоставление. Если мы посмотрим на ситуацию холодной войны, то перспектива ядерного конфликта была вполне реальной, существенно реальной, чем те, по-моему, мало на чем основанные дискуссии, которые идут по этому поводу сегодня. Скорее, они, мне кажется, уже следствие общественной истерии вокруг военно-политических вопросов сегодня. А в реальности холодной войны, может быть, истерии было меньше, публичного обсуждения было меньше. Но понимание того, что глобальный конфликт у порога, было. И это ставило целый ряд сегодняшних международных игроков в весьма специфическое положение.

Та самая Европа, к опыту которой мы в позитивном и негативном смысле часто любим сейчас обращаться - Европа, которая уже находилась в длительном процессе европейской интеграции, создания своего объединения, фактически, с большим трудом только переходила к обсуждению вопросов, связанных с политической интеграцией и, может быть, с координацией своих усилий в военной области. Потому что понимала, что надо, наверное, оставить все-таки НАТО, поскольку это основа, краеугольный камень того относительного благополучия, которым Европа могла в ситуации холодной войны похвастаться.

С другой стороны, в другой части Европы, в той части, которая находилась под контролем советского блока, а сегодня присоединилась в основном к Европейскому Союзу, в общем, росло то напряжение, которое, в итоге, выразилось в распаде Варшавского Договора – очень быстрым, оперативном. Когда стало понятно, что как только давление уходит, то больше причин для того, чтобы без политического давления оставаться в рамках одного блока, эти страны не находят. То есть, как только появилась возможность высказаться, как только появилась возможность как-то проявить себя, оказалось, что очень многие, слишком многие настроены на то, чтобы проявить себя именно на пути центробежном, сломать ту систему, которая была в ситуации холодной войны и прийти к чему-то новому.

И мне все-таки кажется, что постсоветская реальность - хотя бы за счет того, что мы сделали несколько довольно серьезных шагов назад от этой грани глобального конфликта - может быть, более хаотичная, но она более стабильная, она более безопасная.

Недавно в одной из публикаций мне встретила мысль, которая как бы развивает эту логику: предлагается посмотреть на период до 2014, до украинского кризиса, посмотреть на существовавшую до этого постсоветскую реальность как на более стабильную, чем та, которая сложилась после 2014 года. То есть всякий раз мы смотрим назад и ищем в

прошлом что-то обнадеживающее, что-то более стабильное. А нынешняя реальность нам представляется очень сложной, крайне турбулентной.

Если мы сравниваем весь постсоветский период и последние годы, то здесь, по-моему, много изменилось не столько в плане соотношения стратегических потенциалов, но и того, как люди видят возможность-невозможность глобальных конфликтов. И это, скорее, вопрос психологического восприятия, общественной реакции на те события, которые, действительно, становились сюрпризами, часто неприятными сюрпризами и, соответственно, вызывали желание как-то на это отреагировать, повести себя таким образом, чтобы оптимизировать политику. И не всегда это удавалось сделать наилучшим образом. То есть это, скорее, выражение фрустрации по поводу сложившейся ситуации, может быть, непонимания того, в каком направлении она может развиваться.

Но я все-таки не думаю, что сегодня мы можем говорить о высоком уровне нестабильности, о высокой опасности появления глобального конфликта. Мы не можем не признать, что в постсоветский период совершен большой шаг вперед.

Если говорить о восприятии того перелома, распада Советского Союза, с которым мы сталкиваемся сегодня, когда общаемся, в частности, с зарубежными коллегами, то необходимо учитывать неизбежную смену поколений, в том числе в экспертном сообществе, среди людей, которые уже сегодня начинают влиять на принятие политических решений. Для них эти события – как минимум, уже достаточно отдаленный факт их биографии, а скоро придет поколение, для которого это не будет фактом биографии вообще.

Это меняет восприятие постепенно. То есть то, что для людей, сейчас достаточно активных в политике, являлось событиями, в которых они сами принимали участие, - для тех, кто придет им на смену, будет древняя история. И детали того перехода, детали распада Советского Союза – это будет то, о чем большинство людей не будут задумываться. Они будут

принимать как факт, что они знают о том, что был Советский Союз, они знают о том, что его сейчас нет, что он стал основой для появления ряда независимых государств. И, пожалуй, этого им будет достаточно. То есть даже фамилии большей части советских лидеров будут для молодежи, которая сегодня постепенно выходит на крейсерскую скорость, ни о чем не говорящими фамилиями.

И, соответственно, здесь появляется тематика, которую мы частично сегодня обсуждали, и она связана с историческими исследованиями того периода. И, конечно, всегда найдутся люди, которые специализируются на том, что именно происходило, стараются понять это. Они, конечно, сообщат нам, наверное, еще много интересных нюансов тех событий, которые происходили.

А есть восприятие. И это, в общем-то, восприятие этой постсоветской реальности, ни как отклонения от нормы, а как самой нормы. Это видно в постсоветских республиках. Это видно в целом в мире, который, если и предполагает возможность какого-то неоимперского курса на постсоветском пространстве, то предполагает эту возможность как одну из угроз для себя.

Думаю, что со временем у нас появится основание надеяться, что и в России - просто с учетом прагматических соображений - возобладает понимание, что постсоветский мир, в котором мы оказались, - это не отклонение от нормы, а вполне стабильная среда, в которой мы можем жить и добиваться результатов, которые для нас важны.

В.П. Жарков. Спасибо за оптимизм в наше сложное время. Это особенно важно на фоне последних событий последних недель, которые, казалось бы, к оптимизму не располагают. Но то, о чем говорит Сергей, мне кажется чрезвычайно важно как констатация факта, что мы, во-первых, живем в той среде, которая образовалась в результате распада СССР. Во-вторых, очевидным фактом становится то, что постсоветское тоже становится историей.

У меня есть вопрос, касающийся того, так ли мы можем быть спокойны по поводу невозможности ядерного конфликта. Если стороны не осознают его угрозы в той мере, как они осознавали его, скажем, в начале перестройки, мне кажется, это неочевидно.